

Великий золотой дворец оставался верен себе: политические вихри здесь закручивались столь же стремительно, и никто не мог предугадать, куда они увлекут завтра.

Для Ху Пэя же последние дни тянулись на редкость безмятежно. Стоило ему явиться на службу в управу, как его призывали к императору Дигэну. Юноша развлекал государя неспешными беседами, разгоняя его тоску, готовил кисти и тушь да помогал просматривать доклады, присланные главами шести ведомств. Для скромного младшего советника из ведомства Четырех помощников подобная близость к престолу была неслыханной милостью. Впрочем, крылось за этим не только покровительство великого правого помощника Чжуана Сянжу, но и колоссальное влияние древнего рода Ху, пустившего глубокие корни в империи Великая Чжоу.

Ху Пэй прекрасно понимал: владыка ждет возвращения великого защитника Сюаньюаня Кая. Сам же юноша ждал иных вестей.

Ему требовалось узнать, чем закончится тайное противостояние пятого принца Сюаньюаня Хая и третьего принца Сюаньюаня Сюаня.

Пятый принц Сюаньюань Хай лишь казался великодушным — под личиной благородства скрывалась натура мелочная и мстительная. Впрочем, едва ли нашелся бы человек, способный сохранить хладнокровие, когда из-под его носа уведут долгожданную корону. Проведя много лет на чужбине под началом князя Сюаня, Сюаньюань Хай обзавелся обширными связями среди вольных мастеров цзянху.

Внезапная приостановка церемонии его провозглашения наследником престола стала для него несмыслимым позором. И виной всему был Сюаньюань Сюань.

Подобное случилось не впервые. В прошлый раз, когда сановники предложили назначить преемника, император Дигэн уже склонялся в пользу пятого принца, но тогда Сюаньюань Сюань спутал все карты. Теперь же, когда Хай находился буквально в шаге от наследной печати, третий принц вновь заставил его отступить.

Ослепленный яростью, Сюаньюань Хай не пожалел золота. Он нанял лучших убийц из цзянху, приказав им расправиться с ненавистным соперником на обратном пути в столицу.

Однако Сюаньюань Сюань оказался крепким орешком. Окруженный кольцом из десяти тысяч преданных латников Железной армии, он хладнокровно использовал себя как наживку. Третий принц не просто отбил нападение, но и собрал доказательства покушения, искусно переведя стрелки на старшего брата — первого принца Сюаньюаня Сяо.

Когда горит городская стена, достается и рыбам в пруду. Первый принц оказался совершенно безвинно втянут в эту смертоносную круговерть.

Получив донесение от верных птиц, Ху Пэй лишь понимающе кивнул — события разворачивались в точности так, как он предполагал. И все же одна деталь застала его врасплох: третий принц на тракте к Золотой столице не просто рисковал собственной шкурой, но и умудрился столкнуться с Чао Цо, странствовавшим по стране.

Молодой господин Чао по чистой случайности спас Сюаньюаня Сюаня, бесповоротно увязнув в династической борьбе эпохи Дигэна. Выведав, чьей крови его спаситель, третий принц немедленно приблизил юношу к себе, назвав его названным братом, несмотря на разницу в возрасте.

Ху Пэй выслушал птичий щебет и устало прижал ладонь ко лбу.

«Сколько лет прошло, а Чао Цо остался все таким же непроходимо прямолинейным глупцом».

В день, когда третий принц вернулся в Золотую столицу, город облачился в траурный белый цвет. Жители запрудили улицы, провожая в последний путь покойного великого защитника Сюаньюаня Кая.

Сюаньюань Сюань доставил погребальную ладью прямо к Воротам Западного Процветания. У подножия надвратной башни процессия остановилась.

Император Дигэн поспешно спустился навстречу, прижал голову к гробу и горько разрыдался. Третий принц рухнул перед отцом на колени.

Охваченный скорбью государь внезапно со всей силы пнул сына в плечо и яростно закричал:

— Безрассудный глупец! Твой дядя погиб, спасая твою никчемную жизнь! Как ты мог так подвести его? Как смеешь после этого смотреть на его гроб?!

Этот пинок и гневная тирада преследовали глубокую цель — пошатнуть авторитет принца в глазах воинов Железной армии.

— Твой слуга виновен! Я заслуживаю тысячи смертей! — запричитал Сюаньюань Сюань, покорно подыгрывая отцу. Его глаза опухли от слез, а сам он раз за разом с глухим стуком бился лбом об брусчатку.

Стоявшие за его спиной командиры и личные телохранители дружно опустились на колени, закрывая лица руками и оплакивая павшего полководца.

Ху Пэй со стороны равнодушно наблюдал за этой разыгранной как по нотам сценой родственной скорби. В этот миг он невольно вспомнил о белой лисе, оставшейся в его покоях.

«Мир людей бесконечно далек от благородства. Куда свободнее быть простым демоном».

Горько плакавший император на самом деле не испытывал и малой доли той скорби, что являл толпе. Однако его яростный выпад не принес желанного плода: преданность офицеров Железной армии третьему принцу осталась непоколебимой.

Еще несколько дней назад, играя в шахматы с Ху Пэем и получив известие о приближении траурного кортежа, владыка замер. Он бездумно зачерпнул горсть черных камней, позволил им с тихим стуком рассыпаться обратно в чашу и глухо произнес:

— Если вся власть сосредоточена в одних руках, стоит ли сокрушаться о нехватке верных слуг?

Смысл этих слов был предельно ясен: когда вся полнота военной и государственной власти принадлежит исключительно императору, взрастить нового военного гения — лишь вопрос времени.

Размышляя об этом, Ху Пэй понимал, что Дигэн давно лелеял мысль прибрать к рукам Железную армию и установить единоличное господство.

Но вековые традиции стояли незыблемой стеной: Железная армия испокон веков подчинялась исключительно роду Сюаньюаня Кая, и император до поры до времени ничего не мог с этим поделать. Драма у Ворот Западного Процветания, разыгранная под предлогом встречи павшего героя, была именно тем финалом, которого Дигэн так долго и терпеливо ждал.

Ху Пэй, присутствуя здесь лишь телесно, отрешенно наблюдал за происходящим. Склонив голову вместе с остальными придворными, он напустил на себя скорбный вид, отдавая дань уважения ушедшему богу войны.

Когда пышный спектакль завершился, государь велел выставить гроб для трехдневного прощания, после чего великий защитник со всеми почестями упокоился в фамильной усыпальнице на горе Скрытого Дракона.

Поздно вечером третий принц удостоился аудиенции у отца. Разговор затянулся за полночь, после чего Сюаньюань Сюань отправился на ночлег во Дворец Вечного Спокойствия.

Тем временем в своей усадьбе Ху Пэй лениво перевернулся на другой бок. Услышав настойчивый стук клюва по оконной раме, он слегка подтолкнул спавшего под боком Фэйбая. Тот недовольно прищурился, нехотя выбрался из-под теплого одеяла и лапой приоткрыл

створку. В комнату впорхнул соловей и опустился на деревянную жердочку у окна.

— Хозяин, третий принц заночевал во Дворце Вечного Спокойствия, — защебетал ночной гость.

Ху Пэй потер виски, ласково прижал к себе запрыгнувшего обратно на постель лиса и сонным голосом спросил:

— И о чем же они толковали?

— Похоже, император догадывается об истинной причине гибели Сюаньюаня Кая, — пропел соловей. — Он приказал третьему принцу во что бы то ни стало удерживать контроль над армией и ни в коем случае не упускать власть над латниками.

Ху Пэй проявил живой интерес. Он принялся неторопливо поглаживать густую шерсть белоснежного лиса.

«Для императорской семьи власть всегда была дороже крови. Но действительно ли Дигэн так великодушен? Или он попросту не решается прибрать к рукам охваченную волнениями армию, боясь обжечься о горячий картофель? Похоже, он и сам начинает опасаться сына, за спиной которого стоят преданные легионы».

— Еще Сюаньюань Сюань спросил у отца, почему титул наследника отдают пятому принцу, — добавил соловей.

— Вот как? — Ху Пэй усмехнулся, хотя на душе у него похолодело. — Получается, император Дигэн приложил руку к безвременной кончине великого защитника.

— Третий принц сказал дословно следующее: «Отец велел мне действовать по обстоятельствам. Теперь Железная армия в моих руках. Но получу ли я то, к чему стремился?»

Ху Пэй припомнил недавнюю сцену у шахматной доски, когда государь небрежно бросил черные камни обратно в чашу. Теперь все кусочки мозаики наконец сошлись воедино. Безжалостная борьба за власть внутри правящего клана не знала пощады к близким.

— Какое изящное представление, — тихо произнес Ху Пэй, покачав головой. — Сначала Дигэн приказал главе рода Шэнь взять в жены возлюбленную Сюаньюаня Кая, лишив того возможности продолжить свой род. Затем он подослал к одинокому полководцу хитроумного третьего принца. Стоило подготовить указ о назначении наследника, как для Сюаньюаня Сюаня это послужило безмолвным приказом отправить дядю на тот свет. Отец и сын терпеливо ждали момента, чтобы прибрать к рукам армейские легионы. И вот цель достигнута — военная мощь сосредоточена в одних руках. Но теперь у императора болит голова о другом: он всей душой желает сделать преемником пятого принца Сюаньюаня Хая, да только руки его связаны

колоссальной силой, которую обрел Сюаньюань Сюань.

— Старик чертовски умен, — тихо фыркнул лис, переворачиваясь на бок. — К тому же он вовсе не собирается на покой в ближайшее время. Нас ждет битва не на жизнь, а на смерть, где выживет лишь самый ядовитый паук.

Ху Пэй изогнул бровь и прижал пушистую мордочку к губам.

«Этот зверь верит людям еще меньше, чем я. Я хотя бы допускаю, что Дигэн искренне желает передать трон Сюаньюаню Хаю».

Не обращая внимания на то, что лис оцепенел, юноша обратился к соловью:

— Снаружи под навесом висит кормушка с просом. Ступай, подкрепишься.

Птица радостно чирикнула в знак благодарности и вылетела в ночную прохладу. Ху Пэй легонько шлепнул Фэйбая по пушистому боку:

— Иди закрой окно.

С тех пор как они встретились на проспекте Белого Коня, минуло пять лет. Все это время они делили одну постель и успели изучить привычки друг друга до мельчайших подробностей.

Фэйбай в отместку шумно выдохнул ему в лицо струйку ледяного духовного воздуха.

Ху Пэй лишь рассмеялся, откинулся на подушки и легонько оттолкнул его от себя:

— Ну же, шевелись.

Душа повелителя Грома рвалась проявить суровый нрав, однако сделать это не позволило упрямое, не поддающееся логике нежное чувство в груди. Нехотя спрыгнув на подоконник, лис зацепил когтями створку и плотно притворил ее.

Когда он вернулся в постель, Ху Пэй уже укутался в одеяло. Лис улегся рядом, тихо заворчал и все же не выдержал:

— Ху Пэй, какую игру ты ведешь? Чего ты добиваешься?

Юноша не открыл глаз. Он лишь молча притянул пушистого сожителя к себе, утыкаясь носом в его мягкую шерсть, и оставил вопрос без ответа.

Зачастую Ху Пэй относился к обитавшей в лисьем теле великой душе как к строгому надзирателю, а порой и вовсе делал вид, будто делил кров с обычным зверем. Однако шли дни, юноша усердно совершенствовался в игре на цитре Минчжэн, и вместе с мастерством росла его привязанность к невольному спутнику. В этом чувстве не было романтического томления — лишь глубокое уважение к феноменальному таланту повелителя Грома и его безграничному могуществу. Тот больше не казался Ху Пэю упрямым самодуром, лишенным человеческого тепла.

На следующее утро во время великого собрания во дворце Сюаньюань Сюань громогласно заявил о чередѣ покушений, совершенных на него по пути в столицу. Император Дигэн поначалу вознамерился замять это дело: сыновья выросли, у каждого крепки амбиции, и легкий щелчок по носу пошел бы третьему принцу только на пользу. Наградив отличившихся воинов и военачальников Железной армии, государь уже приготовился произнести дежурные напутственные слова, как вдруг Сюаньюань Сюань выступил вперед и преподнес отцу тигриный амулет — символ верховной власти над войсками.

Этот шаг стал для монарха сокрушительным шахматным шагом.

Дигэн мгновенно устался на золоченого тигра. Сердце императора затрепетало от смеси ярости и триумфа. Стараясь казаться равнодушным, он спросил:

— Третий принц, тебе предначертано унаследовать титул великого защитника. К чему же этот жест?

— Железная армия — это щит державы, подчиняющийся лишь воле Вашего Величества, — Сюаньюань Сюань опустился на колени посреди тронного зала. — Прежний покровитель ушел из жизни, и отныне бразды правления должны вернуться к трону. Первейший долг воинства — беззаветное служение престолу. Ныне, когда пожар войны утих, я возвращаю тигриный амулет законному владельцу.

Дигэн прищурился. Искушение было велико, однако монарх понимал, что протянутый ему амулет — это чаша с ядом. Его сын вырос опасным соперником.

Испокон веков военный мандат находился у наследников Сюаньюаня Кая. Хотя Сюаньюань Сюань заблаговременно рассредоточил почти девять десятых верных соратников покойного маршала по дальним гарнизонам, в лагере под Золотой столицей по-прежнему стояли более десяти тысяч отборных гвардейцев. Прими император командование прямо сейчас, и гнев этих закаленных в боях ветеранов обрушится на самого владыку.

Третий принц изящно отводил от себя удар, перекладывая бремя ответственности на отцовские плечи.

В этот напряженный миг слово взял верховный канцлер Цзи Сюэкан. Он громогласно одобрил благородный порыв третьего принца и призвал государя принять военную власть.

Старейшины из числа Трех гун надеялись восстановить древние устои: раз покойный маршал определил третьего принца своим преемником, юноша должен был отказаться от притязаний на престол и возглавить армию. Однако поступок Сюаньюаня Сюаня смешал им все карты. Раз уж чиновники во главе с канцлером дружно ратовали за передачу мандата императору, открыто возражать было верхом безрассудства. Если вся чиновничья клика потребует возвращения тигриного амулета в казну, то ярость Железной армии падет уже на головы министров.

Для Дигэна это означало лишь одно: назревающий мятеж грозил поглотить всю империю.

Дигэн по достоинству оценил расторопность Цзи Сюэкана и благосклонно обратился к великому наставнику Хо Удуну и великому защитнику с просьбой высказать свое суждение.

Хо Удун окинул взором тронный зал, где большинство присутствующих уже склонялись к передаче власти императору, выступил вперед и веско произнес:

— Кресло великого защитника ныне пустует. Тот, кто держит в руках тигриный амулет, признается законным преемником Железной армии и должен занять этот высокий пост согласно незыблемым законам Великой Чжоу. Есть ли у Вашего Величества иной достойный муж на сию должность?

Намек был предельно ясен: наставник по-прежнему ратовал за то, чтобы третий принц принял бремя командования, окончательно лишившись права претендовать на трон.

Этот вопрос поставил императора в тупик. Наделение Сюаньюаня Сюаня столь колоссальной официальной властью делало его фигуру чрезмерно опасной. Опираясь на поддержку влиятельных старейшин, этот сын со временем неизбежно попытался бы прибрать к рукам и корону. С другой стороны, если отказаться от амулета прямо сейчас, принц сохранит армию под своим крылом, и никакие взоры Поднебесной не гарантируют, что в один прекрасный день он не решится на открытый бунт.

Хо Удун искусно сыграл на потаенных страхах и безграничном властолюбии монарха. Впрочем, именно этой реакции Сюаньюань Сюань и добивался, когда разыгрывал перед двором карту добровольного отречения от армии.

Пост великого защитника, титул наследника престола, расследование покушения — все это требовало первого, сокрушительного хода, способного взломать глухую оборону противника. На войне побеждает тот, кто бьет внезапно и наповал.

Заметив колебания государя, канцлер Цзи Сюэкан поспешил вмешаться:

— Нападение на третьего принца — дело чрезвычайной важности, угрожающее устоям государства. Нижайше прошу Ваше Величество поручить великому министру юстиции провести самое тщательное расследование.

Это предложение позволило императору Дигэну сохранить лицо. Он немедленно отдал приказ судейскому ведомству разобраться в обстоятельствах покушения. Вопрос о тигрином амулете временно повис в воздухе, однако негласная сделка между отцом и сыном уже состоялась: принц получал свободу действий в столице, в то время как заветный символ военной власти должен был со временем беспрепятственно перейти в руки государя.

Старейшины попытались было возразить против столь явного затягивания дела с армией, однако их голоса потонули в церемониальном кличе, возвещавшем о завершении собрания.

Когда придворные потянулись к выходу, Ху Пэй с облегчением вздохнул. Интриги царственного семейства нагоняли на него невыразимую тоску. Сдав дела великому правому помощнику Чжуану Сянжу, он покинул ведомство на четверть часа раньше положенного и направился к выходу из дворца.

У самой стены он заметил высокого мужчину в черных одеждах с алой каймой, который небрежно подпирал спиной кладку. Стоило встретиться с ним взглядом, как Ху Пэй мгновенно узнал Чао Цо.

Длинноногий и широкоплечий, молодой воитель направился к нему размашистым шагом, напоминая ожившую гранитную скалу. Он лучился искренней, обезоруживающей прямоотой.

Ху Пэй приблизился к нему, мысленно сделав безжалостную отметку:

«Светлая, первозданная глупость».

— Брат Чао Цо, — поприветствовал его Ху Пэй.

— Надо же, сколько лет не виделись, а ты, Ху Пэй, стал еще больше походить на девицу, — хохотнул тот. Он скрестил руки на груди, обошел юношу кругом и со смешком добавил: — Сзади — загляденье, округлый да ладный, а вот если бы спереди...

Ху Пэй полуобернулся и холодно и пронзительно посмотрел на него.

Чао Цо мгновенно осекся, проглотив окончание шутки. Слегка смутившись, он постучал пальцами по своему могучему предплечью и примирительно улыбнулся:

— Покидаешь дворец? Может, раздавим по кубку вина за встречу?

— Ни к чему, — отрезал Ху Пэй и, даже не замедлив шага, проследовал мимо.

Чао Цо помрачнел. Провожая взглядом стройную, исполненную изящества фигуру старого знакомого, он почувствовал, как в груди закипает глухое раздражение.

— Ишь ты, какой гордый выискался, — проворчал он сквозь зубы.

За годы странствий у него вошло в дурную привычку сравнивать любого смазливового столичного франта с образом Ху Пэя, прочно засевшим в памяти. Дошло до того, что стоило Чао Цо увидеть холеного молодого господина, как на ум невольно приходил старый приятель. Но сейчас, воочию встретившись с ним вновь, он понял: все те заезжие щеголи не стоили и одного волоска прекрасного Ху Пэя.

Поворчав себе под нос, Чао Цо зашагал в сторону Военного приказа. Ныне он официально приобрел там должность младшего чина, а благодаря услуге, оказанной третьему принцу, уже через несколько месяцев рассчитывал получить приглашение на учения в Южный тренировочный лагерь.

Его отец, младший министр Чао Ган, узнав о выборе сына, ощутил лишь глухую досаду. Он сам в молодости проливал кровь на полях сражений, прежде чем сменить доспехи на чиновничий халат. Покончив с опасной кочевой жизнью, он наконец обрел покой, достаток и семейный уют, но единственный наследник, едва вернувшись из странствий, упрямо рвался на ту же стезю.

Перед тем как Чао Цо заступил на службу, отец решил устроить ему проверку и вызвал на поединок. К своему изумлению, старый воитель уступил собственному сыну — сильному как бык юноше, чье суровое, но благородное лицо скрывало недюжинную мощь.

Примирившись с неизбежным, Чао Ган крепко похлопал наследника по плечу и наставительно произнес:

— Сын мой, силушкой боги тебя не обделили, да и смазливая морда способна ввести врага в заблуждение. Однако на службе государству — будь ты писец или полководец — главное вот это. — Он ткнул пальцем себя в лоб. — Береги голову и не лезь на рожон. В стенах дворца я еще смогу прикрыть тебя от интриг, но на поле брани тебя будут ждать настоящие клинки, а не злые языки.

Чао Цо лишь пренебрежительно фыркнул, а затем с неожиданной серьезностью ответил:

— Учитель говаривал, что в будущем при дворе Великой Чжоу не останется никого влиятельнее Ху Пэя. Если я стану соревноваться с ним в каллиграфии и плетении интриг, то по определению обречен на провал. Но мужчине претит вечно оставаться на вторых ролях. Я жажду одолеть его хотя бы раз! Раз уж на мирном поприще мне с ним не тягаться, значит, Чао Цо докажет свое превосходство на ратном поле.

Он слегка приподнялся на цыпочках, панибратски положил руку на плечо отца и весело подмигнул:

— Не беспокойся, батюшка. Ты сам прекрасно знаешь: на передовой порой куда безопаснее, чем в тиши дворцовых покоев. Беда приходит к воинам тогда, когда глупцы у руля власти начинают совершать ошибки. Отныне ты станешь моим щитом при дворе, а я буду твоим мечом на границе. Вместе мы добьемся небывалого величия.

Чао Ган лишился дара речи от подобной наглости, однако слова сына невольно увлекли его разум, рисуя заманчивые картины будущего союза. Вдобавок то, с какой точностью юноша разложил по полочкам нынешнее положение дел в Железной армии, наполнило отцовское сердце законной гордостью. Окончательно захмелев от радужных перспектив, он дал свое благословение.

Лишь когда за Чао Цо закрылась дверь, старший Чао опомнился и покачал головой:

— Вот уж воистину: во всем виной Ху Пэй... Тьфу ты! Наоборот, хвала Ху Пэю, что расшевелил моего лоботряса.

Если третий принц твердо вознамерился бороться за престол, ему рано или поздно придется выпустить из рук прямое командование Железной армией. А значит, Сюаньюаню Сюаню позарез потребуется преданный человек, способный возглавить легионы. И кто знает, быть может, именно его сыну суждено занять это пустующее место под солнцем.

<http://bllate.org/book/18313/1768098>